

Посланный монархом офицер с повелением разрубить все барки, старым манером построенные, и не пропускать оных в Петербург¹⁷

Великий государь между бесчисленными учреждениями обращал внимание свое и на бережение лесов, и на введение нового роду речных судов, на которые бы и меньше оного исходило, и были бы они прочнее, легче и надежнее. На сей конец сделаны были разных родов образцовые суда, в числе которых и барки, и посланы во все пристани речные и в те места, где строились

суда, из Адмиралтейства мастера, для построения в тех местах таких же образцовых судов, а старым назначен срок, после которого отнюдь бы не употреблять оных; но предрассудки так были сильны, что многие промышляющие по рекам, и после сроку оного не отставали от старых. Сие принудило монарха повелеть разрубать таковые суда и барки; и поручено было сие разосланным с Указами сими по пристаням и по рекам гвардии офицерам, между которыми поручик Федор... Румянцев послан в Ладогу точным от монарха повелением, чтоб, если сыщет он там таковые суда и барки, разрубить неотменно.

Сей, прибывши туда, нашел множество или паче все барки старым манером построенные и которые по бóльшей части нагружены были хлебом для Петербурга. И как тогда настоял уже месяц сентябрь; следовательно, ежели барки оные по Указу будут разрублены, то достать им указанных барок уже было поздно, а хлеб не мог бы быть доставлен в Петербург, в котором тогда был в оном крайний недостаток; описываться же об оном и ждать повеления боялся он, чтоб упущением времени не причинить в нем голода; и так решился пропустить все те барки, которые были с хлебом.

Монарх, увидя из них первую прибывшую партию, крайне прогневался; когда же усмотрел и вторую, и третью партии таковых же барок, то в великом гнѣве призывает к себе господина Александра Ивановича Румянцева и говорит ему, указывая на барки: «Посмотри, как родня-то твоя исполняет мое повеление; я именно приказал ему разрубить все таковые барки, а он, напротив, все их пропустил», — и тот же час послал строгий Указ, чтоб был он для ответа в Петербурге. Между тем повелел Сенату, яко преслушника Указов, судить его Уголовным судом.

Наконец Румянцев является в Сенат, в котором тогда присутствовал и сам монарх, и спрашивается от Сената: как он осмелился преступить именной монарший Указ? И ведает ли он, что закон ослушников таковых повелевает казнить смертию?

«Виноват, — отвечает со спокойным духом г. Румянцев, — и ведаю, что подвергаю себя ослушанием Указа казни; но я готов умереть с удовольствием, удовольствовав хлебом всех здѣшних жителей, без которого бы они, ежели б я по Указу разрубил барки так, как разрубил нагруженные товарами, могли понести великую нужду, а может быть, и голод. Сие-то самое, — продолжал он, — понудило меня преступить Указ и пропустить барки сии, без чего б они не могли сюда доставить хлеба. Правда, — заключил он, — должен бы я был о сем представить прежде государю; но боялся задлить тем время и не был уверен, чтоб его величество во гнѣве своем не запомнил о следствиях того, какое бы произвѣсть мог недостаток в хлебе».

Великий государь, выслушав все сие, сказал: «Ну! Румянцев, я прощаю тебе сие, яко первое еще ослушание твое, но берегись впредь подобное сему что учинить. Почему ты ведаешь, чтоб я не мог того рассудить, ежели б ты, по приезде в Ладогу, дал мне о сем знать?» Сим дело и кончено, и примечено было, что монарх с сего време́ бóльшую пред прежним оказывал к нему милость и доверенность свою.